

*Мальчику Вове Бондареву
посвящаю эту книгу.
Ко времени, когда ты будешь уже большим,
а твой папа снова станет маленьким.*

Мама рассказывала, что в детстве я никогда не кланчил и не выпрашивал игрушки. Все было легко и просто. Мне было четыре года, и мы иногда ходили с мамой по вечерам в магазин «Детский мир». Если мне что-то очень нравилось, я потихоньку показывал ей на это пальцем. Мама или кивала, или, когда денег не было, она потихоньку качала головой, и я спокойно шел дальше. Зимой я носил длинный тулупчик до пят, и продавщицы уже узнавали меня и смеялись: «Вот и сторож пришел, пора закрывать магазин».

Витрина «Детского мира» всегда была красиво и по-разному оформлена, на полу, покрытом зеленым сукном, играли разные пушистые звери, тарачили глаза нарядные куклы, скакали знаменитые педальные кони, тогда бывшие всего лишь игрушками. И лишь три элемента никогда не покидали витрины: нарядная игрушечная коляска, лохматый плюшевый медведь и детский резиновый плотик — огромная надувная черепаха в два моих роста.

До сих пор помню синий декабрьский вечер, мама держит меня за руку, я чувствую даже через ру-

кавицу тепло ее большой руки, слышу скрип твердого снега под моими валенками, и уже издалека видно, как ярко искрится синим и зеленым снег перед витриной, — и вот он уже, «Детский мир»! И первое, что я видел, — подсвеченная яркими огоньками, золотисто-коричневая волшебная черепаха. Для меня она стала чем-то вроде символа «Детского мира», необходимым атрибутом этих наших вечерних походов с мамой. Я и не воспринимал ее как игрушку.

Но однажды я вдруг случайно узнал, что черепаха, золотистое чудо, — тоже продается! Для меня это был шок, как новая земля, как приход Деда Мороза летом, как неожиданное понимание, что Бог все-таки есть, как «я тоже тебя люблю», — да разве можно найти слова, чтобы сравнить то детское чувство с чувствами взрослого?

Черепаха стоила 10 рублей, по тем временам очень дорого, и мама покачала головой.

Солнце погасло. «Нам надо расстаться», «Не хочу вас пугать, но...», «Вы не прошли по конкурсу, приходите на следующий год...». Да ладно, разве это описать...

И я снова не стал клянчить, согласно кивнул и пошел дальше, и мама рассказывала, как впервые увидела, чтобы у меня из-за некупленной игрушки по щеке поползла слеза.

Но я сказал маме, что вовсе не плачу, смотри — морг-морг. Ну где? Никаких слез у четырехлетних мужчин. И снова опустил голову.

Мне очень хотелось эту волшебную черепаху, но я заранее понимал, что это было невозможно, разве можно обладать чудом? Я покорно топал за мамой

ПРО ПАПУ

к выходу и видел только расплывающийся в моих полных слез глазах край длинного тулупчика, задевавшего кончики мокрых от снега валенок. Но вдруг на выходе из магазина я схватился двумя руками за большую ручку двери, обнял холодное дерево, прижался к нему всем телом и никак не мог разжать пальцы...

До сих пор помню, как я ее нес. Дул ветер, была почти уже ночь, меня сдувало вместе с моей черепахой, которая, словно большой победный парус, рвалась из моих рук вслед за ветром, мама смеялась и охала, но я никому ее не отдавал. Это было только мое счастье. Я разделю его с тобой, мама, конечно, разделю, но не сейчас. Мне казалось, что я нес в своих руках домой разом целый магазин. Целый свой детский мир.

Прошел с тех пор уже не один десяток лет. Но и сейчас, вспоминая маму и детство, я обязательно вижу и мою черепаху, в которой папа потом катал меня по ковру, в которой я даже ел и иногда засыпал, положив голову на ее упругий бок. И сейчас я шепчу про себя: «Спасибо».

За тот опыт нежданного, небывалого счастья, которое можно однажды просто обнять и отнести через все ветра домой.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

17 октября 2016 г.

Дом встретил серой сыростью и запахом лежалого белья и мышей.

Отбившись от радостно гавкающей собаки Белки, старой овчарки, которая хотела обязательно обтереться об меня всем телом, чтобы я больше никуда не уходил, переступил порог дома родителей.

Папа был еще на работе, в свои почти восемьдесят упрямец продолжает работать, проверяет на производстве чертежи молодых неопытных инженеров.

Однако ему уже тяжело жить одному, и тут уж выбора не было. Забрать его к себе, в благоденствующую Германию? Папа не хочет наотрез, он здесь привык. Переупрямить моего отца практически невозможно, оставить же здесь одного тоже нельзя. У двух моих сестер дети, карьера, они обе далеко и повязаны по рукам и ногам семьями. А мне что — давно разведен, живу один. Есть еще дальние родственники, но у них свои заботы и старики.

Карьера? Я работал вышибалой в германских дискотеках, потом выучился на социального работника,

специализирующегося на помощи инвалидам и старикам. Помогать старикам — дело хорошее, но не тогда, когда твой собственный остался без помощи. Когда стало ясно, что придется возвращаться к отцу, я два года копил средства. Сейчас еще пишу потихоньку статьи и колонки, говорят, интересно. Две книжки мои вышли в России. А не все ли равно, где писать. Теперь вот в кино снимаюсь иногда. Да и вообще, руки-ноги есть, все шевелится, вот мы с папой и проживем.

Четыре года назад из этого дома ушла моя мама. И не вернулась. Вот эта кровать на веранде, на которой она лежала все время болезни.

Я прошел по старым, гулким доскам внутри комнат, таща за собой чемодан, который громко здоровался с каждой доской.

Трехцветная кошка Котася, которая еще старше собаки Белки, увидев меня, что-то муркнула себе вовнутрь и, соскочив с коричневого пуфика, подошла пободать мои ноги. Боднула пару раз и ушла досыпать.

Я поставил чайник. На середину комнаты спокойно вышла большая серая мышь и села на хвост посмотреть на меня. Все семнадцать лет своей жизни Котася мышей не ловила, а теперь, видать, и пахнуть перестала по-кошачьи, раз такой беспредел.

Не обращая внимания на наглую мышь, я налил себе в стакан крутого кипятка и бросил в него пакетик дешевого чая. Сел на скрипнувший стул, усмехнулся над странной жизнью моей и, подмигнув толстой мыши, сделал первый обжигающий глоток.

Новую жизнь лучше начинать именно так.

Чтобы довести дворовую овчарку до безудержного оргазма, нужно не гулять с ней без поводка несколько месяцев (папе гулять с ней в поле уже тяжело), а потом взять и вдруг погулять. Отец еще не вернулся с работы, а я допил свой чай, и мы пошли с Белкой к железнодорожному полотну, поезда проходят там очень редко, людей встречается еще меньше, а места побегать — сколько хочешь, степь вокруг.

Белка сразу пришла в экстаз.

Ай-ай — трава! Она пахнет! Ай-ай, листья, в них можно зарыться! Можно пописать где хочешь и, вы представляете, — закидать все это настоящей землей!

Палка летит! Я поймаю тебя, палка! И не отдам. Это моя добыча. На! Нет, моя. На! Нет, моя. Ну на же, наконец. Ох, как далеко летит, я не собака, я кенгуру, могу и прыжками. Исчезла.

— Белка!

Тишина.

— Белка, твою мать!

Из кустов появляется волчья морда. Одичала. Овчарки вообще быстро дичают.

У нее что-то в счастливой пасти. Для палки больно коротко...

— Зачем нам палка, я поймала СКУМБРИЮ! В лесу! Дикую! Горячего копчения!

— Фу! Выбрось! Плюнь!

Кто-то выбросил из окна проезжающего поезда пакет с созревшими продуктами, Белке на радость, мне на поругание.

— Хи, не-а.

Куски гниющей рыбы разваливаются между длинных клыков, я бегу за счастливой собакой-кенгуру, эта порода ест в прыжке. Вцепился пальцами в вонючий рыбий хвост.

— Отдай!

— А ты со мной делился?

— Велю тебе, собака, я твой господин!

— Чего? Какой ты мне господин, понаедут тут...

— А вот по заливку?

— Ох, подчиняюсь, мой повелитель, сейчас, только рыбку доем...

Бросаю вонючий кусок в водоем. Пусть рыба плавает. Собака порывается прыгнуть в воду, но даже в крымском декабре это будет холодно, и она делает несколько неловких прыжков вдоль берега, проводив полет рыбы тоскливым взглядом. Жизнь потеряна. Солнце сгорело. К чему это все?

Смотрит на меня с какой-то даже жалостью.

— Ну ты дура-а-ак...

Сам нахожу палку. Кидаю.

— Сам беги за своей палкой, я тебе что, дебилка, что ли... Скумбрию выбросить! Скумбрию!

— Знаешь что, будешь дуться, тогда пошли домой.

Пристегиваю поводок к ошейнику.

— Не умеешь себя вести, сиди во дворе.

— Не-е-ет! Ай-ай! Я больше не буду!

Тяну волка, смотрящего в лес, в сторону частных домов. Однако собака и тут как ребенок — столкнувшись с неизбежностью, утешается быстро. Травка — пахнет! Листья — шуршат! Нюхаю что хочу! И писаю где угодно!

Вернувшись, долго сижу во дворе, глажу теплые собачьи уши, пахнувшие мокрым лесом, зверем и копченой рыбой недельной давности. Собака тоже гладит шелковой головой мои ладони. И чувствую, как в душу возвращаются тепло, покой и чувство, что все начинается...

Лучше собак — только люди. Некоторые.

* * *

Вернулись, вскоре в дом зашел папа, сказал: «О, приехал, привет!»

Мы обнялись, последний раз виделись год назад, а теперь вот я вернулся. Ну, потому что так надо.

Отмечаю про себя, что отец за этот год сильно сдал. Он все еще упрямо ходит на работу, на полставки, но с бытом справляется все хуже. С уборщиками папа ссорится, они у него изюм воруют, а нанять сиделку — не доверю я отца никому. Да и потом, они тоже стопудово изюм любят.

Здесь должен быть я. Потому пора приводить в порядок наше жилье — «у вас невыносимый грязь, папаша, я выведу этот грязь».

18 октября 2016 г.

Сегодня я был в ударе, выпили с папой по два пива в честь моего приезда, и я устроил отцу вечер гитарной музыки. Слушали разные интерпретации гитарной классики, и я толкнул речь. Меня вела какая-то высокая сила, я говорил о флажолетах, пиццикато

и особенностях фламенко. Дескать, смотри, папа, как твой сын за почти двадцать лет жизни в Германии окультурился.

Папа послушал-послушал, покивал, а потом говорит: «Ты выпивши лучше ни о чем не рассуждай. Ты, когда руками размахиваешь, становишься на нашего соседа Вадика похож».

А наш общий знакомый из моего раннего детства, сосед дядя Вадик, мало того что сидел по не очень хорошей статье, так еще и человек был очень средний, царство ему небесное, если он его заслуживает, конечно.

Я сказал, что и в Вадике, наверное, было что-то хорошее, и отсел от папы подальше, заявив, что больше о высоком с ним говорить не буду. Потому что он видит грязь, а не звезды. И все ушло в песок. Остался только бедный дядя Вадик. И вообще, папа на домработницу ворчит и на гитаре не занимается. Не хочу, чтобы у меня был такой отец. А другого нет. В детский дом мне поздно идти. Вадик! Я похож на дядю Вадика!

Папа, смущенный, стал ходить по дому, ухватил раздолбанную гитару и стал показывать мне, как он любит на ней заниматься. И сказал, что я совсем на Вадика не похож. Просто я сейчас тоже выпивший. И ничего в песок не ушло.

Но я его еще не простил.

Завтра пойдем есть пирожные в его любимое кафе, и я, вспоминая его вчерашнюю бестактность, буду ронять горькие слезы в крем. А папа будет на меня смотреть и переживать.

И все будет как надо. Гармония — это счастье.

21 октября 2016 г.

— И мы с тобой теперь обязательно пойдем на радиорынок...

Папа пьет чай, как всегда, хитро и, как он, наверное, думает, хищно прищуривая глаз, прикрывая его от торчащей ложечки. На самом деле мне это только кажется. Левый глаз отца уже давно едва отличает свет от тени, а прижмуриваться глазом здоровым — это гарантированно заехать ложкой во второй.

Просто папа столько раз пил при мне чай, по привычке, оставшейся от студенчества, не вынимая ложки из стакана, что я понимаю: в душе он сейчас делает именно так. Хитро прищуривается и, наверное, кажется себе похожим на советского разведчика.

Радиорынок в Симферополе находится в такой заднице, что до дороги к нему руки не дошли даже у Путина, и один отец по таким расколдобинам к нему не пройдет. Тем более всю ночь шел дождь. Меньше всего хочется в воскресное утро шлепать куда-то по грязи. Но отец ждал меня, чтобы утром в выходной сходить на радиорынок. Посмотреть новый пульт для телевизора, ну и вообще...

Поэтому я одеваюсь, жду, пока папа допьет чай, найдет сумку, проверит, взял ли ключи, и, пока будет рыться по карманам, куда-то сунет сумку, а когда найдет, выяснится, что ключей-то и нет. Ты не видел? Они у тебя в руке. А, ну да, конечно. Пошли.

— Быстрей-быстрей, они не ждут!

Торопимся на маршрутку, нас ждет грязь, развороченный тротуар, холодно, но светит яркое солнце конца октября. Уже повод радоваться.

Садимся в микроавтобус и едем.

Отец всегда ходит в велюровой шляпе и затемненных очках. Советские разведчики ходят именно так. Германскую куртку, которую я ему привез в прошлый приезд, уже извозюкал в белой краске. Ничего, замажу чернилами сегодня...

Папа гордо осматривает пассажиров. Сын приехал. Из Германии. Он тоже разведчик.

Маршрутка едет куда-то не туда. Мы ошиблись номером. После короткой схватки в салоне с родным отцом между «Кто виноват?» и «Что делать?» выходим за километр от нужной нам остановки.

— Вот же ж, твою мать.

— Папа, не матерись.

Оглядываюсь. Вся улица в желтой, светящейся от солнца листве, деревья, дома, дорога. Обращаю внимание отца на это, он машет рукой, но бурчать перестает. Папа только внешне разведчик, забывший, какой армии служит, а в душе он поэт.

Идем, внимательно смотрим под ноги, м-да, и здесь Путина не было... Асфальт весьма живописен, но это его единственное достоинство. Нечто подобное я видел в Гамбурге, в замершем зимой канале, там тоже серые льдины друг на друга... Хочу взять отца за руку.

— Пап, ну так удобней.

— Да не трогай ты меня, пошли-пошли, опоздаем.

Папа идет подчеркнуто уверенно и ровно, он у меня крепкий старик, презирающий трость. Настроение прекрасное, задумавшись, я невольно ускоряю шаг. Оглядываюсь. Отца нет.

— Ох, твою мать!

Папа нашел единственный свободный от асфальта кусочек мокрой земли и прилег.

— Папа! Ну ни на минуту нельзя оставить!